

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

OCR Ловецкая Т. Ю.

В первый раз я близко встретился с Тургеневым в 1874 году, в один из его кратковременных приездов в Петербург. Его вообще интересовали наши новые суды, а затем особое его внимание остановил на себе разбиравшийся в этом году при моем участии, в качестве прокурора, громкий, по личности участников, процесс об убийстве помещика одной из северных губерний, соблазнившего доверчивую девушку и устроившего затем брак ее со своим хорошим знакомым, от которого он скрыл свои предшествовавшие отношения к невесте [...]

Переписка участников этой драмы, дневник жены и личность убийцы, обладавшего в частной и общественной жизни многими симпатичными и даже трогательными свойствами, представляли чрезвычайно интересный материал для глубокого и тонкого наблюдателя и изобразителя жизни, каким был Тургенев. Он хотел познакомиться с некоторыми подробностями дела и со взглядом на него человека, которому выпало на долю разбирать эту житейскую драму пред судом. Покойный Виктор Павлович Гаевский привел Тургенева ко мне в окружной суд и познакомил нас. Как сейчас вижу крупную фигуру писателя, сыгравшего такую влиятельную роль в умственном и нравственном развитии людей моего поколения, познакомившего их с несравненной красотой русского слова и давшего им много незабвенных минут душевного умиления, -- вижу его седины с прядью, спускавшиеся на лоб, его милое, русское, мужичье, как у Л. Н. Толстого, лицо с которым мало гармонировало шелковое кашне, обмотанное по французскому обычаю вокруг шеи, слышу его мягкий "бабий" голос, тоже мало соответствовавший его большому росту и крупному сложению. Я объяснил ему все, что его интересовало в этом деле, прения по которому он признавал заслуживавшими перевода на французский язык, а затем, уже не помню по какому поводу, разговор перешел на другие темы. Коснулся он, между прочим, Герцена, о котором Тургенев говорил с особой теплотой. [...]

Когда Гаевский напомнил, что Иван Сергеевич хотел бы посмотреть самое производство суда с присяжными, я послал узнать, какие дела слушаются в этот день в обоих уголовных отделениях суда. Оказалось, что там, как будто нарочно, разбирательство шло при закрытых дверях и что в одном рассмотрении дела уже кончалось, в другом еще продолжалось судебное следствие. Я повел Тургенева в это последнее отделение и, оставив его на минуту с Гаевским, вошел в залу заседания, чтобы попросить товарища председателя разрешить ему присутствовать при разборе дела. Но этот тупой формалист заявил мне, что это невозможно, так как Тургенев не чин судебного ведомства, и что он может позволить ему присутствовать лишь в том случае, если подсудимый -- отставной солдат, обвинявшийся в растлении 8-летней девочки,-- заявит, что просит его допустить в залу, как своего родственника. В надежде, что Тургенев, вероятно, почетный мировой судья у себя в Орловской губернии, я обратился к нему с вопросом об этом, но получил отрицательный ответ. Мне, однако, трудно было этому поверить, и я послал в свой кабинет за списком чинов министерства юстиции, в котором, к великой моей радости и к не меньшему удивлению самого Тургенева, оказалось, что он давно уже почетный мировой судья и даже по двум уездам. Он добродушно рассмеялся, заметив, что это с ним случается не в первый раз и что точно так же он совершенно случайно узнал о том, что состоит членом-корреспондентом Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. Я увидел в этом нашу обычную халатность: даже желая почтить человека, мы обыкновенно не умеем этого доделать до конца...

Введенный мною в "места за судьями" залы заседания, Тургенев чрезвычайно внимательно следил за всеми подробностями процесса. Когда был объявлен перерыв и судьи ушли в свою совещательную комнату, я привел туда Тургенева (Гаевский уехал раньше) и познакомил его с товарищем председателя и членами суда. В составе судей был старейший член суда, почтенный старик-труженик, горячо преданный своему делу, но, кроме этого дела, ничем не интересовавшийся. Он имел привычку брюзжать, говорить в заседаниях сам с собою и обращаться к свидетелям и участвующим в деле с вопросами, поражающими своей неожиданной наивностью, причем вечно куда-то торопился, прерывая иногда на полуслове свою отрывистую речь. "Позвольте вас познакомить с Иваном Сергеевичем Тургеневым,-- сказал я ему и прибавил, обращаясь к нашему гостю,-- а это один из старейших членов нашего суда NN". Тургенев любезно протянул руку, мой "старейший" небрежно подал свою и сказал, мельком взглянув на Тургенева: